

Т.Г. Герасимова

КУЛЬТУРА КИТАЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

**(по материалам издания «КНР: политика,
экономика, культура» 2009—2014 гг.)**

Аннотация. В освещении российских исследователей — авторов продолжающегося издания «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура» (2009—2014) за рассматриваемый период демонстрируется развитие Китая в сфере философии, образования, истории, языковой политики, народных традиций, которые в истории культуры Китая в широком смысле всегда воспринимались как часть общественной культуры страны. Обращают внимание работы российских китаеведов, опубликованные в юбилейных изданиях серии, в которых ставился акцент на осмысление опыта развития культуры в той или иной области. Китайская культура, наряду с такими освещаемыми темами, как политика и экономика КНР, является одним из традиционно значимых направлений продолжающегося издания, задуманного еще в 1969 г., и занимает далеко не последнее место в отечественной историографии. Изучение культуры китайского общества всегда охватывает крупный блок тем, уходящих корнями в древность. Научные изыскания о Китае, опубликованные в блоке по культуре, представлены не только ретроспективно, взглядом в прошлое, но и современными нарративами.

Автор отмечает, что достижения российских исследователей в области философии и образования даются на фоне исторических событий, происходящих в Китае и мире, представлены в тесной связи с событиями внутренней и внешней политики, а также с идеологией Компартии Китая и формированием в КНР законодательной сферы. Подчеркивается, что продвижение и распространение знаний о культуре Китая по всему миру оказывают сильное влияние на общественное сознание людей, формируют положительный имидж страны, расширяют и углубляют представления о китайской цивилизации как «великом возрождении нации». Делается вывод, что в связи с существующими современными вызовами от ученых, в том числе от молодых исследователей, в настоящее время ожидается более глубокое изучение духовного, исторического и культурного наследия российской школы китаеведения.

Ключевые слова: КНР, философия, образование, история, российское китаеведение, продолжающееся издание, историография.

Автор: *Герасимова Татьяна Григорьевна*, старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии Российской академии наук. E-mail: gerta48@mail.ru

T.G. Gerasimova

**CHINA CULTURE IN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY
(BASED ON MATERIALS FROM THE PUBLICATION
“PRC: POLITICS, ECONOMICS, CULTURE” 2009—2014)**

Abstract. In the coverage of Russian researchers — authors of the ongoing publication “The People’s Republic of China: Politics, Economics, Culture” (2009—2014), during the period under review, China’s development in the field of philosophy, education, traditional history, language policy, folk traditions is demonstrated, which in Chinese cultural history in a broad sense has always been perceived as part of the country’s public culture. Attention is drawn to the works of Russian sinologists published in the jubilee editions of the series, in which the emphasis was placed on understanding the experience of the development of culture in a particular area during the period of modernization in the country that had an impact on it. Chinese culture, along with such covered topics as the politics and economy of the PRC, is one of the traditionally significant areas of the ongoing series, conceived back in 1969, and occupies by no means the last place in Russian historiography. The study of the culture of Chinese society always covers a large block of topics rooted in antiquity. Scholarly research on China, published in the culture block, is presented not only retrospectively, with a look into the past, but also with modern narratives.

The author notes that achievements in the field of philosophy and education are given against the backdrop of historical events taking place in the PRC and the world, are influenced by domestic and foreign policy, as well as the ideology of the Communist Party and the government of the PRC, the formation of the legislative sphere. It is emphasized that the promotion and dissemination of knowledge and values of Chinese culture around the world, which have a fantastic impact on the public consciousness of people, forms a positive image of the country, expanding ideas about Chinese civilization, the “great revival” of the nation. It is concluded that in connection with the existing modern challenges, the tasks currently set in a new way encourage scientists, including young researchers, to a deeper study of the existing spiritual, historical and cultural heritage of the Russian school of Sinology, and the way to further transfer them.

Keywords: PRC, philosophy, education, traditional history, Russian school of Sinology, continuing edition, historiography.

Author: *Gerasimova Tat'yana G.*, Senior Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).

E-mail: gerta48@mail.ru

Для Китая — одного из лидеров современного мира — создание положительного внешнеполитического имиджа актуализируется с каждым годом. Сегодня официальные власти Китая проявляют рост внимания к национальной культуре и поддерживают приобщение народа к традиционным ценностям. Судя по всему, в соответствии с формулировками и стратегиями, касающимися внутренней и внешней политики, а также культуры, Китай стремится в перспективе к «великому возрождению китайской нации», «сообществу единой судьбы человечества», реализации проекта «Один пояс, один путь», осуществлению «китайской мечты» и непосредственному участию в создании нового миропорядка и архитектуры международной безопасности.

Необыкновенно насыщена и глубока культура Китая. Тысячи востоковедов из всех стран мира посвящают свою жизнь изучению только одной из ее граней, огромное количество книг написано на тему исследования ускользающей и массивной, загадочной и такой реальной, пронизанной вековыми традициями культуры Китая. Китайская культура, являясь важным объектом изучения для широкого круга российских ученых и зарубежных специалистов, охватывает немалый блок малоизученных тем, уходящих корнями в древность, привлекая всеобщие взгляды читателей к своей истории и современному состоянию развития.

Научные изыскания по культуре Китая в таких областях, как история и философия, общественные науки и образование, театр и кинематография, литература и кино, религии и язык, быт и традиции и т. д., интересны читателю не только своей историей, но и современными тенденциями развития. Достижения культуры в стране напрямую связаны с развитием внутренних и внешнеполитических процессов, формирующихся под влиянием исторических событий, происходящих в Китае и в мире. Знание этих аспектов и их особенностей очень важно для характеристики объективной масштабной картины КНР.

Посвященное культуре направление занимает особое место в продолжающемся информационно-аналитическом издании «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура» (далее — *«КНР: политика, экономика, культура»*) еще со времен своего родоначальника Института Дальнего Востока — 1966 г., в настоящее время Института Китая и современной Азии — 2022 г.

Предыстория возникновения серии рассказывает, что издание ежегодных справочников по Китаю, начатое в 1969 г. Институтом Дальнего Востока АН СССР с грифом «для служебного пользования» в экспериментальном порядке дало положительный толчок формированию серийного выпуска ежегодного научно-информационного издания *«КНР: политика, экономика, культура»*. С момента открытого появления ежегодник стал своего рода монитором, на котором отображалась хроника

прежних и новых изысканий ученых Института о ближайшем соседе. В соответствии с профилем Института главная задача издания с первых дней его появления состояла в том, чтобы дать широкой общественности объективную многоплановую картину развития КНР. С тех пор впервые информация о Китае в систематизированном виде была представлена перед широким читателем.

Серия, существующая уже более 50 лет, представлена в трех традиционных направлениях: политика, экономика, культура, что зафиксировано в ее названии, отражая реалии Китая. Издание знакомит читателя и с изменениями во внутренней и внешней политике, в социально-экономической жизни страны — в том числе в законодательстве, военной и демографической политике — с проблемами и вызовами сегодняшнего дня на международной арене и с развитием китайской культуры в прошлом и настоящем, занимает далеко не последнее место в отечественной историографии. Научные исследования заполняют имеющиеся пробелы в картине происходящих культурно-исторических процессов, подчеркивая глубокую связь между историей и современностью.

Возвращаясь к теме нашей статьи, напомним, что в первых ежегодниках серии освещалось состояние китайской культуры, которое свидетельствовало о тяжелом кризисе в этой области, в частности в литературе, театре и кинематографии, вызванном разрушительными последствиями «культурной революции»; характеризовалось положение интеллигенции. В более поздних — рассматривались основные тенденции культуры, общественные науки, литература, театр, кино, образование; освещалась политика КПК в отношении интеллигенции.

За последний период в продолжающемся издании рассматривается широкий спектр тем, освещаются самые разнообразные пласты культурной жизни Китая. Важной составляющей являются аналитические статьи, посвященные истории и традициям китайской цивилизации, науке и образованию, развитию литературной и театральной жизни, кинематографии, вопросам языковой политики, религии, нравам и обычаям как части китайской культуры, неразрывно связанной с модернизацией, внутренними и внешнеполитическими процессами, происходящими в КНР.

В настоящем обзоре на основе материалов изданий информационно-аналитической серии «*КНР: политика, экономика, культура*», вышедших в свет в 2009—2014 гг.¹, демонстрируется панорама событий, произо-

¹ Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура (См. издания 2009—2014 гг.) — В изданиях этого периода тема культуры КНР характеризуется углублением российских исследований в связи с активным продвижением и распространением по всему миру знаний о Китае, появлением новых нарративов, оказывающих влияние на общественное сознание людей и формирующих положительный имидж страны. В работах ставится акцент на осмысление опыта развития культуры

шедших за рассматриваемый отрезок времени по аспектам китайской культуры в исторической ретроспективе и трансформирующихся в современности.

Грандиозные социально-политические и культурные достижения страны в разных сферах деятельности имеют самую тесную связь с историческими событиями, без преувеличения подтверждая, что создание объективной картины сегодняшнего Китая предполагает глубокое знание его истории и культуры. Информация о состоянии культуры, науки и образования подробно анализируется ведущими специалистами Института и публикуется в блоке, посвященном культуре Китая, являясь составной частью комплексного изучения КНР.

Раскрытию и анализу направлений по культуре Китая посвящаются рубрики: «Философские науки», «Образование», «Исторические традиции», «Театр», «Литература», «Кинематография», «Телевидение», «Языкознание», «Религии», «Быт, обычаи и нравы» и др.

В выпусках сборников этого периода красной нитью проходят итоги тридцатилетней политики реформ и открытости, ставшие одновременно и символическим победным знаком в преддверии 60-летнего юбилея страны. Акцент в юбилейных изданиях ставится на осмысление опыта развития культуры в той или иной области в период реформ в стране, оказавших воздействие на ее развитие.

Далее остановимся на краткой характеристике исследований российских китаеведов, касающихся развития Китая в области философских наук (А.В. Ломанов), системы образования (Н.Е. Боревская), языковой политики (О.И. Завьялова), исторических традиций китайской цивилизации (П.М. Кожин) и национальной специфики обычаев и нравов (А.Л. Верченко), глубоко между собой связанных культурным пространством.

* * *

Тема *философии* рассматривается в блоке «Культура и образование» в сборниках серии «КНР: политика, экономика, культура», изданных в период с 2009 по 2013 г. Этой теме посвящены работы российского китаеведа д.и.н. А.В. Ломанова.

Так, в подготовленном коллективом сотрудников ИДВ сборнике «КНР: политика, экономика, культура. К 60-летию КНР» (вып. 2009 г.), в статье «Философские науки», автор дает подробную характеристику поэтапного исторического развития философских наук в Китае с 1958 г., когда «массовое движение началось с создания в одном из цехов Шан-

Китая в области философии и общественных наук, образования, традиций истории, языковой политики, национальных обычаев и др., способствующего обогатить представления о китайской цивилизации как «великом возрождении нации».

хайского судостроительного завода группы по изучению философии». Развернувшаяся с согласия властей широкая кампания под лозунгом «изучать философию, применять философию» продлилась около двух десятилетий [КНР: политика... К 60-летию, с. 370]. Распространение основ марксистской философии среди населения совершалось ценой значительного упрощения. Целью учебы, как констатировалось, была утилитарная задача применения освоенных знаний (прежде всего диалектического метода) как мировоззренческой и методологической основы для решения конкретных проблем, возникающих на производстве. Популяризация философских знаний была соединена с политическими целями, развитие профессиональной философии было подчинено идеологическим задачам.

«Соотнесение традиционного материала с постулатами тогдашней официальной философии стимулировало осмысление специфики национального идейно-теоретического наследия. Ряд ученых призвал избегать крайних упрощений при выделении в китайской мысли борьбы материализма и идеализма, диалектики и метафизики» [КНР: политика... К 60-летию, с. 371—372). Эти споры были продолжены в 1979 г., когда возрождение китайской историко-философской науки началось с обсуждения проблем исследовательской методологии.

Характеризуются и другие дискуссии. Так, в 1979—1982 гг. проходила дискуссия, скованная рамками комментирования отдельных положений классических произведений марксизма. Ослабление господствовавшей в предыдущие десятилетия идеологии классовой борьбы создавало условия для гуманистического переосмысления марксизма; в результате в китайских научных кругах развернулась дискуссия о гуманизме в широком смысле, отличном от его трактовки как европейского течения эпохи Возрождения [КНР: политика... К 60-летию, с. 372).

Автором констатируется, что в середине 1980-х в Китае заметно возрос интерес к традиционной культуре и ее сопоставлению с западной, что стало дополнительным стимулом для изучения китайской философии и творческого наследия представителей современного конфуцианства.

Открытость Китая культурным воздействиям извне создала условия для освоения современной западной философии: начался всплеск интереса к экзистенциализму и философии жизни, молодежь увлеклась модными в те годы идеями свободы и гуманизма произведений Ж.П. Сартра. Стали также популярными и взгляды Ф. Ницше, воспринятые китайской молодежью как духовный ориентир на фоне падения доверия к официальной идеологии; еще одной яркой частью идейной палитры 1980-х, замечает автор, стало увлечение психоанализом З. Фрейда, открывшим новые подходы к изучению человеческой природы.

В этот период в изучении зарубежной философии сформировались устойчивые направления, развитие которых, по оценке автора, продолжается и в наши дни. Творчество Д. Лукача, А. Грамши, представителей франкфуртской школы М. Хоркхаймера и Т. Адорно, как сообщается в статье, стало одним из источников для переосмысления проблем гуманизма и отчуждения в марксизме. Основным в развитии китайской философской мысли стало стремление творчески соединить традиции Китая и Запада.

На рубеже 1980—1990-х годов сформировалась тенденция позитивного переосмысления национальной культуры, которая, как отмечает автор, и поныне определяет главное направление дискуссий в области изучения китайской философии.

В 1990-е стремление к всестороннему постижению традиции, унаследованию классики и воспроизводству практических навыков в традиционной медицине, живописи и других отраслях оформилось в волну увлечения «национальным учением» (*госюэ*). В первой половине XX в., по словам российского ученого, интерес китайской интеллигенции к *госюэ* был оборонительным ответом на наступление западной науки. В начале XXI в. движущей силой современного возрождения *госюэ* стало развитие в КНР многообразных форм обучения и частных школ, отвечающих на запрос общества в традиционном комплексном образовании. Спор о допустимости «объяснения китайского при помощи западного» привел к попыткам заново осмыслить истоки формирования представлений об истории китайской философии, проследить исторический процесс конструирования «китайской философии» с помощью западных концепций и методов [КНР: политика... К 60-летию, с. 373—374].

На состоявшемся в ноябре 2007 г. 4-м Форуме инновации марксистской философии, отмечалось в статье, в качестве ведущей темы обсуждались китайские исследования западного марксизма. Хотя западный марксизм уже стал «важным идейным источником обновления китайской марксистской философии», среди исследователей еще не было единства взглядов в отношении целей изучения этого течения и значимости западного марксизма для современного Китая [КНР: политика... К 60-летию, с. 375].

Интерес китайских исследователей к современному зарубежному марксизму, по мнению А.В. Ломанова, обусловлен восприятием этого течения как соединения марксизма с реалиями западного общества, попытка осмысления его актуальных проблем. Опыт адаптации и актуализации марксизма важен для Китая, где «провозглашается цель соединения данного учения с национальной спецификой», к тому же сходство проблем в обществах с рыночной экономикой дает «возможность заимство-

вания части разработок зарубежных марксистов» [КНР: политика... К 60-летию, с. 376).

По мнению автора, «все это можно оценить как успехи в развитии философии в КНР, однако на более глубоком уровне возникает трудный вопрос о совместимости новых заимствований с теоретическими устоями прежней системы, сохраняющей за собой официальный статус. Многие китайские исследователи заинтересовались западной критикой Просвещения, ставящей под сомнение неоспоримый прежде тезис о всемогуществе человеческой рациональности. Эти идеи широко обсуждают в западном марксизме, однако китайский марксизм развивается в ином историко-культурном и социально-политическом контексте» [КНР: политика... К 60-летию, с. 377).

Отмечается также, что проявившееся в начале 1980-х годов «стремление освободиться от “догматизма” советско-сталинской системы марксистской философии, о чем китайские ученые нередко заявляют и в наши дни, привел к односторонней опоре на западные теоретические ресурсы. На конференции “Дух XVII съезда КПК и исследование истории марксистской философии” (февраль 2008 г.) ученые коснулись вопроса о месте идей Ленина и Сталина в процессе китаизации марксизма» [КНР: политика... К 60-летию, с. 377).

Исследователи, по данным китайской печати, выделяют три периода становления «исследовательской парадигмы китаизации марксистской философии». «До начала 1980-х господствующей была “учебниковая парадигма”, когда исследования строились на основе заимствованных советских материалов. После начала политики реформ и открытости утвердилась “постучебниковая парадигма”, ее отличительными чертами стали критика и размышления, повышенное внимание к концепции практики, осмыслению на этой основе отношений человека и мира, субъекта и объекта и т. д. В 1990-е воцарилась “парадигма академизации”. Ее характеризует стремление к рассмотрению проблем с высоты теории; интерпретация, исследование и реконструкция марксистской философии осуществляются при посредстве современной западной философии. Однако часть китайских исследователей предлагают “вернуться к реальности”, дабы китайский марксизм был нацелен на решение задач социалистического строительства под руководством КПК» [КНР: политика... К 60-летию, с. 378).

Тридцатилетие политики реформ и открытости стало поводом для подведения итогов развития общественных наук в КНР после 1978 г. Большое внимание уделяется философским исследованиям, сохранившим в Китае особый формальный статус среди других отраслей знания. В частности, Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК (2007) заявил о необходимости «стимулировать развитие и процветание философии и общественных наук».

В июне 2008 г. по итогам конференции «Практика открытости и реформы и инновация марксистской философии» ее участники указали на «серьезные вызовы» в инновации марксистской философии, порожденные практикой реформы и открытости. В частности, как отмечалось в статье, «углубление специализации и профессионализации философских исследований лишили эту отрасль знаний былой общедоступной массовости, которую старались придать философии в первые десятилетия после образования КНР» [КНР: политика... К 60-летию, с. 379—380].

За время реформ благодаря открытости китайского научного сообщества были совершены значительные успехи в изучении современной зарубежной философии и истории китайской философии, в поиске путей обновления сложившейся системы марксистской философии. Среди новых областей исследований, появившихся на рубеже веков, можно указать на философию экономики; ведущее место занимают призывы к философской критике гипотезы своекорыстного «экономического человека». Философы отмечают, что эту проблему невозможно решить в рамках экономической науки; придать «экономическому человеку» моральный и всесторонний характер может лишь философия [КНР: политика... К 60-летию, с. 380].

На страницах сборника «КНР: политика, экономика, культура. 2010—2011» в другой статье того же автора «Философские науки» большое внимание было уделено темам социального равенства и справедливости, богатства, всеобщности человеческих ценностей, защиты окружающей среды. А.В. Ломанов останавливается на китайских философских дискуссиях, где наиболее заметное место занимали вопросы исторического материализма [КНР: политика... 2010—2011, с. 256—264]. Российский эксперт отмечал, что китайские исследователи продолжали искать пути осмысления актуальных проблем развития страны с позиций марксистской философии.

Новой темой в китайских философских дискуссиях становится «экологическая цивилизация», и упоминание о ее строительстве вошло в официальные партийные документы в 2007 г. Проблема в том, пишет А.В. Ломанов, что «за рубежом экологические философы считают исторический материализм и экологическое мышление несовместимыми». Западные зеленые полагают, что исторический материализм связан с техническим детерминизмом, он «ставил в центр внимания человечество, не задумываясь об исчерпаемости ресурсов и природных ограничениях для развития производства» [КНР: политика... 2010—2011, с. 257—259].

Используя материалы китайских исследователей, автор отмечает, что вслед за проникновением в Китай западных экологических концепций точка зрения зеленых оказала влияние на китайские научные круги. Ки-

тайские авторы делают вывод, что «экологические проблемы в странах социализма связаны не с природой социализма, а с историческим контекстом: поскольку после революций в отсталых странах на первом месте стояли задачи развития — быстрая индустриализация породила экологические проблемы» [КНР: политика... 2010—2011, с. 259—264].

Третья аналитическая статья А.В. Ломанова «Философия», опубликованная в сборнике «КНР: политика, экономика, культура. 2012—2013», посвящена перспективам развития китайской культуры, философии и общественных наук в Китае в контенте решений 6-го пленума ЦК КПК 17-го созыва (октябрь 2011 г.) и XVIII съезда КПК (ноябрь 2012 г.). Автор отмечает, что пленум ЦК КПК 2011 г. впервые поставил долгосрочную цель строительства «могущественного культурного государства» (*вэньхуа цянго*), которая включает укрепление культурного самосознания китайцев и их уверенности в потенциале собственной культуры, повышение мирового влияния китайской культуры как основного компонента «мягкой силы» Китая. Стратегия развития философии и общественных наук становится частью программы создания «могущественного культурного государства». Большое внимание на пленуме уделено «выводу вовне» китайских научных достижений в этой сфере, организации работы по переводу на иностранные языки лучших трудов китайских ученых. Акцент на развитии китайской культуры, по оценке автора, стал стимулом для обсуждения проблем создания системы обществознания с национальной окраской, адаптации заимствованных извне концепций к изучению проблем Китая, а также обновления языка современной китайской философии [КНР: политика... 2012—2013, с. 376—377].

Автор указывает, что 6-й пленум принял решение об осуществлении «инновационного проекта философии и общественных наук». Через год на XVIII съезде КПК была поставлена задача «построить инновационную систему философии и общественных наук». Лозунги «инновации» стимулировали обсуждение проблем развития теории и статуса философии в современном мире. В китайских публикациях, отмечается в статье, можно найти призывы к сохранению «массовости» философского знания за счет «возвращения к практике и участия в “преобразовании мира”, что могло бы помочь философии вновь завоевать утраченные народные симпатии» [КНР: политика... 2012—2013, с. 377].

Призывы к укреплению «научной уверенности в себе» развивают идеи, высказанные властями в 2011—2012 гг.: после прозвучавшего на пленуме ЦК КПК призыва к укреплению «культурной уверенности в себе» на XVIII съезде КПК появился лозунг приверженности «собственной уверенности в пути, теории и строе» [КНР: политика... 2012—2013, с. 379—380].

А.В. Ломанов анализирует также проблематику изданных в 2012—2013 гг. исследований китайских авторов (Е Сяньмин, Ань Цинянь и др.) по философии и общественным наукам. В работах поднимаются актуальные темы, такие как развитие теории и статуса философии в современном мире, создание «китайской дискурсивной системы», преодоление «дискурсивного кризиса» китайской философии в контексте «сознания китайских проблем», соотношение иностранных теорий с исторической и социальной реальностью Китая [КНР: политика... 2012—2013, с. 380—381].

На проведенном в 2012 г. АОН Китая в Пекине Международном форуме по распространению общественных наук в Интернете, отмечает автор, обсуждались проблемы использования информационных технологий в деле продвижения китайских научных достижений во внешний мир. Направляемая сверху работа по «китаизации» философии и общественных наук была призвана решить двуединую задачу внутренней консолидации китайского общества и обеспечения китайской культуре достойного места на мировой сцене.

В сфере философии и общественных наук в КНР внимание уделялось также теме создания «китайской дискурсивной системы», способной описывать китайскую практику и китайский путь развития с помощью собственных концепций и категорий. Если Запад уже перешел от традиции к современности, то перед китайцами стоит двойная задача — «понять как пришедший с Запада модерн, так и собственную традицию, соединив их между собой, и в перспективе китайская философия должна создавать новое...» [КНР: политика... 2012—2013, с. 380—381].

За пределами марксистской парадигмы, далее констатирует А.В. Ломанов, основными соперничающими течениями в китайской мысли начиная с 1990-х годов стал западный постмодернизм и китайское «национальное учение» — *госюэ*. В постановлении 6-го пленума ЦК КПК 17-го созыва был включен раздел, посвященный созданию «системы наследования лучшей традиционной культуры». В нем было предложено «широко развивать деятельность по распространению преподавания лучшей традиционной культуры», «использовать фундаментальную роль образования в восприятии и созидании нового в культуре, увеличить содержание курсов по лучшей традиционной культуре, усилить создание баз по преподаванию и изучению традиционной культуры» [КНР: политика... 2012—2013, с. 382].

Отмечалось, в частности, что сторонников *госюэ* критикуют за нежелание наводить мосты между культурными традициями Китая и Запада. Замкнутость и отторжение западной научной парадигмы, по мнению китайских ученых, могут помешать раскрытию потенциала традиционной культуры в увеличении «мягкой силы» китайского влияния на зарубеж-

ную общественность и создании привлекательного образа Китая [КНР: политика... 2012—2013, с. 383].

Заместитель министра культуры КНР Ян Чжицинъ на съезде организаций зарубежных китайцев (апрель 2012 г.), говорится в статье, выделил три особенности «стержневых ценностей» китайской культуры: это уникальность, толерантность и гармоничность. И, как он подчеркнул, выбор современным Китаем «стержневых ценностей» окажет влияние на весь мир.

В статье автор отметил выступление президента Шанхайской АОН Ван Чжяня на Пятом всемирном форуме изучения Китая (март 2013 г.) о формировании «ценностей основного течения восточной культуры», опирающихся на широкий консенсус и способных вести равноправный диалог с ценностями основного течения западной культуры. Ван Чжань призвал настойчиво продвигать ценности основного течения восточной культуры для «совместного использования» во всем мире наравне с западными ценностями [КНР: политика... 2012—2013, с. 383—384]. Из этого делается вывод, что современные призывы к «выходу вовне» и превращению философии в инструмент «мягкой силы» сделали актуальным успешный опыт прошлого.

В заключение автор сообщает о памятной исторической дате в связи с празднованием в октябре-ноябре 2012 г. 100-летия создания философского факультета Пекинского университета, проведении научной конференции с участием исследователей китайской мысли из разных стран, опубликовании серии книг по истории этого факультета.

* * *

За шесть десятилетий Китайская Народная Республика достигла поистине масштабных успехов в сфере *образования* и распространения его среди населения, повышения его качества и доступности. Данная тема освещена российским исследователем д.и.н. Н.Е. Боровской в выпусках продолжающегося издания 2009—2013 гг.

В разделе «Культура и образование» сборника *«КНР: политика, экономика, культура. К 60-летию КНР»* (вып. 2009 г.) Н.Е. Боровская, анализируя состояние развития образования в КНР, отмечает, что к юбилею, несмотря на ряд еще нерешенных проблем (доступность качественного образования и пр.), система образования страны пришла с поистине впечатляющими достижениями [КНР: политика... К 60-летию, с. 420—423]. По ее оценке, в условиях аграрной развивающейся страны с социалистической ориентацией система образования, традиционно прочно связанная с политической и, конечно, социально-экономическими структурами, претерпела различные этапы реформирования, и даже революционной ломки, в целом направленные на модернизацию.

Автор рассматривает важные исторические вехи, показывая, как политика с 1949 г. влияет на развитие образовательной системы и как на нее

воздействуют внутренние процессы, происходящие в стране в период реформ. Так, в 1949—1957 гг. Китай во многом копировал опыт индустриально более развитого СССР, что дало неоднозначные результаты. Этот подход вполне соответствовал принятым в мире нормам индустриальной революции и привел к невиданному до того в Китае распространению грамотности среди населения, в том числе и сельского. Однако вплоть до 1976 г. политика КНР в сфере образования испытывала, по оценке исследователя, сильное воздействие политических кампаний, была изолирована от мировых тенденций и лишена научной основы, что стало препятствием на пути модернизации системы образования и вызвало необходимость глубокой комплексной реформы, началом которой было положено в 1978 г. [КНР: политика... К 60-летию, с. 420]

Боревская указывает, что в 1980—1990-е годы в КНР были пересмотрены философские основы теории образования и заложена его законодательная база в серии законов. Ключевым моментом управленческой реформы стала децентрализация, то есть передача от центра к местным правительствам (вплоть до волостных) широких прав на учреждение школ по ступеням и управление ими. Крайности децентрализации тоже пришлось корректировать уже с середины 1990-х годов: управленческие функции школ волостного уровня были снова сосредоточены в уездах. В 1980-е акценты были сделаны на укреплении основного звена системы — начального образования при сдерживании темпов развития среднего и высшего образования. Требования перехода к высокоиндустриальному информационному и более демократичному обществу путем включения механизмов рынка были сформулированы в Программе реформ и развития образования (1993), ознаменовавшей новый этап образовательной реформы. С середины 1990-х годов правительство КНР последовательно осуществляет государственную программу помощи в развитии образования отстающим регионам, особенно западным и сельским. Мощный старт получает развитие полного среднего и, главное, высшего образования, столь необходимого для подготовки кадров мирового уровня. В 2000-е обязательное образование переходит с этапа «распространения в основном по стране» на этап универсализации и укрепления в западных и центральных сельских регионах [КНР: политика... К 60-летию, с. 424]. К началу 2008 г. в целом была завершена начатая в 1980-е годы задача по реализации «двух основ» (ликвидации неграмотности среди молодежи и введению обязательного всеобщего обучения) в 368 из намеченных 410 уездов западных регионов.

Развитие ступени полного среднего образования правительство КНР в 11-й пятилетке осуществляло, опираясь в основном на среднее профессиональное образование. С началом распространения массового высшего образования в 1998 г. удельный вес специализированных (краткосроч-

ных) высших учебных заведений вырос в 6,8 раза; намеченные в 1998 г. на 2010 г. показатели численности студентов вузов и охвата молодежи высшим образованием были достигнуты уже в 2002 г.

В 2008/2009 уч. году завершалось осуществление Государственного плана развития образования на 11-ю пятилетку (2005—2009). Министерством образования КНР разработан и вступил в действие очередной План мероприятий по расцвету образования в 2008—2012 гг. На долгосрочную перспективу разработана программа по созданию к 2020 гг. «законченной, рационально распределенной по стране и устойчиво развивающейся» системы образования [КНР: политика... К 60-летию, с. 423—424].

В книге *«КНР: политика, экономика, культура. 2010—2011»* тем же автором освещается развитие образования в 2010—2011 г., по итогам 11-й пятилетки; также рассматриваются задачи на 12-ю пятилетку и долгосрочные перспективы на 2020 г.

Как было заявлено на 4-й сессии ВСНП 11-го созыва (март 2011 г.), отмечает Бореvская, за прошедший период распространение образования вышло на новые рубежи, повысился и его уровень, и его международное влияние. Вместе с тем к 2010 г. крайне остро встала проблема обеспечения равенства доступа к образованию. Совершенствовалась система социальных и поощрительных государственных стипендий студентов отделений бакалавриата, высших и средних профессиональных колледжей, на которую выделялось приблизительно от 2 млрд юаней в 2006 г. до 30,6 млрд в 2010 г. [КНР: политика... 2010—2011, с. 281—283]. На сессии заявлялось, что за истекшее пятилетие бесплатное обязательное обучение в городе и на селе в объеме девятилетки стало всеобщим. Старшая средняя школа распространялась достаточно быстро, однако преимущественно в городах. Предполагалось, что численность учащихся на этой ступени обучения будет расти прежде всего за счет сельских выпускников неполных средних школ, однако больше половины из них будут продолжать образование в профессиональных средних учебных заведениях.

Ссылаясь на выступление члена Госсовета КНР Лю Яньдун на Все-китайском рабочем совещании по образованию (январь 2011 г.), российский ученый констатирует, что развитию среднего специального образования, особенно региональных пилотных экспериментальных центров, уделялось особое внимание: за пятилетку центральные власти выделили на создание 1 тыс. таких центров специальный транш. В 2010—2011 гг. значительно повысилось качество высшего образования, был усилен инновационный потенциал вузов [КНР: политика... 2010—2011, с. 284].

Автор подчеркивает, что одной из основных целей модернизации до 2020 г. названо совершенствование структуры системы образования. Процессом руководит созданная Госсоветом КНР Государственная руководящая группа по реформе структуры образования. В целом гарантией

успеха намеченных планов в выступлениях руководителей страны и в основных документах называлось «освобождение сознания и укрепление решимости проведения реформ» [КНР: политика... 2010—2011, с. 287—288].

В сборнике «КНР: политика, экономика, культура. 2012—2013» Н.Е. Боровская обращает внимание на ряд важных событий и политических решений этого периода, определявших стиль работы в сфере науки и образования в стране. Так, 2012 г. начался с Всекитайского рабочего совещания по образованию; в июне Министерством образования КНР был принят Государственный план развития образования на 12-ю пятилетку; в ноябре проблемы науки и образования оказались в фокусе XVIII съезда КПК, а в марте 2013 г. — 1-й сессии ВСНП 12-го созыва [КНР: политика... 2012—2013, с. 386].

Решение всех стоящих перед страной задач руководство КНР неразрывно связывает с «всесторонним углублением реформ и открытости», что предполагает в том числе и активизацию международного сотрудничества в сфере науки и образования. Боровская подчеркнула, что XVIII съезд КПК подтвердил курс, при котором «образование является краеугольным камнем национального подъема и социального прогресса», и выдвинул требование «и впредь обеспечивать ему приоритетное развитие». С целью подготовки собственных высококлассных специалистов в 2012/2013 уч. году продолжалась политика увеличения численности отправляемых на учебу за рубеж, при этом государство выражает готовность посылать талантливую молодежь в лучшие вузы мира за государственный счет.

В рамках политики «культура как мягкая сила» КНР продолжает реализацию курса на стимулирование выхода китайского образования в мир, содействия созданию лучшими университетами КНР зарубежных филиалов, поддержки Институтов Конфуция (в 2012 г. впервые опубликован план их развития) [КНР: политика... 2012—2013, с. 387]. Одновременно руководство КНР рассчитывает на привлечение в страну значительного количества иностранных учащихся.

После 20-летних усилий правительство в 2012 г. по анализам итогов года смогло обеспечить 4-процентную долю ВВП на нужды образования. В 2012 г. были освобождены от платы за обучение учащиеся средних профессиональных училищ из сельских (включая уезды и поселки) и малоимущих городских семей, а также городские учащиеся по сельскохозяйственным специальностям.

Повышение планки развития школьного образования отразилось в смене формулировок: в отношении 9-летки — вместо «стимулировать устойчивое развитие обязательного образования» на XVIII съезде КПК дано указание «устойчиво развивать обязательное образование» [КНР: полити-

ка... 2012—2013, с. 388—389]. По данным 6-й всеобщей переписи населения КНР (2010), доля неграмотных и малограмотных среди лиц в возрасте от 15 лет и выше по сравнению с 6,72 % в 2000 г. снизилась до 4,08 %, а в начале 2013 г. среди лиц в возрасте 15—50 лет снизилось до 1,08 %.

В значительной мере все успехи последних пяти лет в сфере образования, отмечает Н.Е. Боровская, были обеспечены бюджетными вливаниями. Съезд подтвердил взятый в последние годы курс на ускоренную модернизацию среднего профессионального обучения, чтобы оно соответствовало меняющейся экономической модели.

В завершение анализа о состоянии и развитии системы образования в рассматриваемый период автор констатирует, что правительство ставит задачу в ближайшее пятилетие целенаправленно формировать систему, ориентированную на рынок технической инновации, которая объединяет в себе производственные организации, вузы и НИИ. В рамках этой программы в августе 2012 г. Министерство образования КНР совместно с Академией наук Китая запустили План действий по совместной подготовке кадров в союзе науки и образования: к концу года количество экспериментальных учреждений, подписавших подобные договора, должно было достичь 63. К 2020 г. 20 % работающего населения, по оценке китайских ученых, будут иметь высшее образование [КНР: политика... 2012—2013, с. 391—393].

В последние годы, как подчеркивает автор, правительством КНР сделаны шаги в направлении демократизации внутривузовского управления, к этому призывали руководители системы образования на Всекитайском рабочем совещании по образованию 2013 г. Параллельно этому тренду отмечена тенденция усиления роли партийных организаций в вузах. Кроме того, среди задач на 2013 г. Министерство образования КНР назвало необходимость развернуть «пропагандистскую кампанию воспитания в духе “китайской мечты” (воспитание усиливает мечту)» и с этой целью написать для вузов учебные материалы, пропагандирующие дух XVIII съезда, а также усилить недостаточное художественное воспитание [КНР: политика... 2012—2013, с. 394].

* * *

В книге *«КНР: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР»*, изданной в 2014 г., в разделе «Образование, культура» под рубрикой **«Языковая политика»** российский исследователь д. филол. н. О.И. Завьялова посвящает статью языковой ситуации в Китае в 2012—2014 гг. В работе используются тексты политических докладов руководителей Китая, выдержки из партийных и государственных документов официальных ежегодников по языковой ситуации в Китае и др. Автором выделяются разнообразные языковые проблемы и те изменения, которые произошли в китайском языке за период «реформ и открытости», обсуждае-

мые не только в лингвистических работах, но также в китайских СМИ и энтузиастами в интернет-блогах [КНР: политика... К 65-летию, с. 370].

В ноябре 2012 г. вопросы языковой политики затрагивались на XVIII съезде КПК. Как пишет О.И. Завьялова, «без совершенствования языка не мыслится развитие образования и культуры, которым было уделено огромное внимание в докладе премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна, сделанном на состоявшейся в марте 2014 г. 2-й сессии ВСНП 12-го созыва. По мнению китайских официальных лиц, языковая политика должна быть основана на лингвистических исследованиях и результатах, полученных с помощью новейших информационных технологий, — только так она будет способствовать осуществлению плана возрождения страны, который нашел свое отражение в провозглашенной Си Цзиньпином концепции «китайской мечты» [КНР: политика... К 65-летию, с. 361].

Во всех официальных документах, отмечает автор, в том числе в действующей версии Закона о языке и письменности и материалах XVIII съезда КПК, *путунхуа* назван «общеупотребительным в государстве», хотя еще в 2004 г. в той или иной степени устной формой этого языка владели лишь чуть больше половины жителей континентального Китая. Таким образом, среди основных целей современной языковой политики выдвинуто укрепление устного единства страны, ставшее актуальным в Китае еще в конце XIX в.

В статье говорится, что составной частью стратегии углубления реформ, обсуждавшейся в ноябре 2013 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва, станет государственная программа развития языка и письменности на 2012—2020 гг. Один из ее пунктов — разработка новейшей версии Закона об общегосударственном языке и письменности. Параллельно принят очередной пятилетний план лингвистических исследований с участием ряда высших учебных заведений, каждое из которых должно заниматься своим особым направлением [КНР: политика... К 65-летию, с. 361—362].

В последние годы, отмечает О.И. Завьялова, успехам в распространении *путунхуа* способствовали не только постоянные усилия государства, но также радио, телевидение, «звучащие» формы Интернета. О необходимости дальнейшего распространения и нормализации в многодиалектной и многонациональной стране официального языка *путунхуа* с его пекинским произношением говорится как в основном докладе XVIII съезда КПК, так и в новой языковой программе.

По определению российского эксперта, «китайские диалекты — это по сути отдельные ханьские языки, объединенные с древности общей государственностью, письменностью и письменным языком». Диалекты, как считают китайские лингвисты и общественные деятели, дают ощущение родного дома, являются носителями драгоценных локальных культур, столь поощряемых в современном Китае. Автор указывает, что в ре-

зультате активной кампании по распространению *путунхуа*, в том числе среди школьников, некоторые диалекты — прежде всего те, на которых говорят жители крупных городов в наиболее развитых восточных районах страны, где высок процент образованных людей, — оказались под угрозой исчезновения [КНР: политика... К 65-летию, с. 362].

С началом периода «реформ и открытости» были опубликованы сотни работ о китайских диалектах, инициированы уникальные программы их сохранения на звуко- и видеоносителях. Официальное отношение к проблеме, похоже, претерпело существенные изменения. Очередное официальное уведомление, предписывающее не употреблять диалекты или элементы диалектов на радио, в телепередачах и кинофильмах, было обнародовано совсем недавно, в начале 2014 г. [КНР: политика... К 65-летию, с. 363]. По свидетельству китайских источников, о преподавании на диалектах в школах, которое еще совсем недавно предлагали ввести некоторые местные чиновники, не может быть речи. Диалекты не упоминаются в материалах XVIII съезда, и, что более значимо, задача их изучения и сохранения лишь кратко затронута в новой программе развития языка и письменности [КНР: политика... К 65-летию, с. 363].

В то же время, как отмечает автор, официальный китайский язык распространяют не только в пределах континентального Китая, но также — после возвращения этих регионов КНР — в Гонконге и Макао. В 2012 г. *путунхуа* впервые стал в Гонконге вторым устным языком по числу говорящих, пропустив вперед традиционно доминирующий в районе кантонский диалект, но обогнав английский язык, ранее занимавший 2-е место.

О.И. Завьялова объясняет, что важной задачей на государственном уровне считается преподавание *путунхуа* китайским эмигрантам, которые живут в разных странах мира и либо большей своей частью говорят на южных диалектах, либо вообще утратили родной язык. А также распространение *путунхуа* в странах постсоветской Центральной Азии (не только среди дунган) приобретает особое значение в связи со стратегической концепцией построения экономического пояса Шелкового пути, провозглашенной Си Цзиньпином во время его выступления в казахстанском Университете имени Назарбаева («Назарбаев Университет») в 2013 г.

Как констатирует автор, распространение официальной формы китайского языка среди иностранцев за пределами собственно китайского мира с помощью институтов и классов Конфуция, в которых учат китайскому языку и рассказывают о китайской культуре жителям разных стран, считается в КНР составной частью «мягкой силы» и формирования положительного образа страны [КНР: политика... К 65-летию, с. 364].

* * *

В уже упомянутой выше книге «КНР: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР», в разделе «Образование, культура» помещен обзор

«Исторические традиции китайской цивилизации» д.и.н. П.М. Кожина, который начинается с утверждения о неразрывной связи традиций истории и современной жизни страны: «История Китая уникальна тем, что в ней, буквально с порога сегодняшнего дня, просматриваются весьма отдаленные ее истоки. Их приближает к нашим дням непрерывная более чем двух с половиной тысячелетняя письменная традиция, которая по цепочке, через 25 последовательно записанных династийных историй, передает большой набор реальных фактов, характеризующих многие стороны китайской общественной, бытовой, политической и экономической жизни, отмеченных и зафиксированных еще на заре местного летописания. Устойчивой сохранности этих данных способствовала сама символическая письменность, использовавшая знаки, графически отражавшие особенности духовной и материальной культуры древнего Китая» [КНР: политика... К 65-летию, с. 323].

Материал представляет собой очерк о зарождении, формировании и утверждении устойчивой региональной культуры, всеми своими глубинными корнями адаптированной к китайской физико-географической среде (климат, рельеф, почвенные, зоо- и фитогеографические условия), превратившейся в ходе тысячелетий в оплот восточноазиатской региональной цивилизации.

На распространение цивилизации, отмечает П.М. Кожин, значительное воздействие оказывали военные захваты, экономическое, духовное принуждение (чаще всего религиозное, идеологическое, культурное и т.п.). Цивилизация несла с собой комплекс стандартов и нормативных решений (воплощенных в традиции, обычаи, запреты, фольклор и т. д.), прежде всего в сфере доминантных человеческих потребностей, касающихся создания безопасных жизненных условий (даже ориентированных на комфортность) в отношении жилища, пищи, воспроизводства, содержания и воспитания детей, охраны территории. Все это обеспечивалось определенными устойчивыми формами семейной, общественной, законодательной и распорядительной административно-политической организации [КНР: политика... К 65-летию, с. 324—326].

Автор анализирует условия формирования региональной культуры с самого начала активного заселения разрастающимися человеческими группами восточноазиатского региона с периода, называемого неолитической эпохой. Отмечается формирование общей стратегии освоения территории, черты и особенности которой сохраняются и сегодня. В обзоре рассматривается формирование и закрепление традиционным использованием успешных производственных приемов и технологий в течение многих столетий, становление стандартизации массовой продукции начиная с времен древнейших династий Ся и Шан-Инь и в следующую эпоху — Чжоу (XI—III в. до н.э.) [КНР: политика... К 65-летию, с. 327—329].

Российский исследователь тесно связывает образование высоко консолидированной достаточно совершенной монархической системы эпохи Чжоу с административно-политической жизнью страны. Он отмечает своеобразные взаимоотношения науки и религии той эпохи, избежавшие серьезного противопоставления. В результате распространились два основных древнекитайских учения, которые, эволюционируя и усложняясь, дожили до наших дней. Каждое из них сформировалось окончательно в двух ипостасях: в религиозном и философском. Это учение даосов и учение, которое в европейской историографии получило название «конфуцианство». Религиозные системы, пришедшие в Китай после начала новой эры, — это буддизм (с I в. н.э.), манихейство, разные толки христианства, зороастризм, ислам и т. д. Однако их значение в национальной этнокультурной и духовной жизни страны никогда не было столь же велико, как упомянутые ранее исконные народные религии [КНР: политика... К 65-летию, с. 329—331].

П.М. Кожин указывает, что к моменту образования древнейшей китайской империи (221 г. до н.э.) страна в целом уже была покрыта сплошной сетью общинных поселений, объединяемых систематически проводившимися сельскими ярмарками и устойчивыми брачно-семейными связями. Специально регламентировались периодически выполнявшиеся обряды, проведение общественных работ. На проведение таких работ, связанных часто с обороной территории от военных притязаний соседей и набегов кочевых народов, можно было направлять большие массы избыточного населения, рабов и военнопленных. Это была уже сложившаяся практика, вызванная в первую очередь строительством монументальных стен, ограждавших целые царства. В циньскую эпоху такие стены были объединены в единую систему, образовавшую Великую Китайскую стену [КНР: политика... К 65-летию, с. 332].

В частности, обращаясь к проблемам внешнеполитической жизни, автор указывает на радикальный поворот в отношениях с внешним окружением, который происходит во второй половине III в. до н.э. Китай, обеспечив себя защитой от внешней опасности Великой Китайской стеной, начинает активно наступать на территории своих воинственных соседей, ищет стратегические подходы для борьбы с внешней опасностью не только в защитных мероприятиях, но и в наступательных операциях. Отмечается, что с этого времени начинает разрабатываться устойчивая внешняя политика Китая и принципы его дипломатии [КНР: политика... К 65-летию, с. 335].

Как указывает П.М. Кожин, одно из характерных явлений китайской культуры — стремление сохранять повсеместно все проявления древней культуры, если они не противостоят имперским узаконениям. Многие эксперты отмечали, что общинные культы, семейные обыкновения с

«почтением» сохраняют как благие начала, цементирующие общинную жизнь и укрепляющие структуры, которые находятся в ведении сельского самоуправления. Так, в период разрушения первого имперского цикла Китая, условно объединившего в единую эпоху династии Цинь, Западную и Восточную Хань (221 г. до н.э. — 220 г. н.э.), характерными чертами этого огромного периода становятся процессы «строительства империи», выражающиеся в создании достаточно четко работающего административного аппарата [КНР: политика... К 65-летию, с. 334—335].

В статье отмечается, что в области духовной культуры в период доимперского и раннеимперского развития эволюция проходила довольно быстрыми темпами. Причем и в этой сфере ощущаются ясные тенденции к унификации языковой культуры в основном благодаря стремительному распространению письменности и росту ее значения [КНР: политика... К 65-летию, с. 338].

На фоне крупных исторических эпох автор стремился рассмотреть зарождение и развитие некоторых общественных и политических традиций Китая, практически не затрагивая бытовые, семейные, общинные сферы традиционной жизни. Западный мир стал получать о них объективные данные лишь в XIX в., когда традиционный быт, традиционная сфера отношений стали подвергаться угнетению со стороны западных стран с высокоразвитой промышленной экономикой и растущими политическими претензиями. Однако на Востоке значение традиций в последнее столетие, скорее, увеличивается [КНР: политика... К 65-летию, с. 340]. «Большие традиции» — политические, общественные — постепенно уступают воздействию глобализации, и внимание в обществах, склонных к «традиционным ориентациям», переключается на «малые традиции»: семейные устои, общинные обыкновения и иерархии, религиозные установления.

В качестве выводов автор отмечает, что Китай движется по своему особому пути. В глубочайшей древности здесь государственная власть не создала противоречия между своими узаконениями и семейно-общинным бытом и старалась сохранять эту тенденцию на многие последующие века. Аналогичный подход был выработан по отношению к религиозным общинам. Власти присматривали за тем, чтобы религиозная доктрина не могла превратиться в политическую идеологию. Хотя иногда «по недосмотру» такие ситуации все же складывались и приходилось вступать в борьбу с тайпинами, с «Фалуньгуном», а порою и с менее мощными силами протеста. Но в целом в Китае традиции во все времена оставались силой организующей, упорядочивающей. По мнению автора статьи, единственная сила, способная разрушить эти традиции, — это современные демографические процессы.

В том же издании «КНР: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР» статья А.Л. Верченко «Быт, нравы, традиции Китая» посвящена теме народных традиций Китая в период, когда китайское общество в своем развитии включается в процесс мировой модернизации, стремится создать гармоничное общество, сочетая современные технологии капитализма западного типа с китайским социализмом. Автор обращает внимание на особенности политики сохранения социальных, культурных и идеологических норм национальной традиции Китая в ситуации модернизации общества, когда компартия стремится выполнить очередную ведущую партийную установку — превратить Китай в «великую культурную страну» [КНР: политика... К 65-летию, с. 379].

В статье говорится, что, несмотря на то что отношение власти к традициям на протяжении 65 лет менялось, после 1980-х годов наметился стабильный курс на их возрождение и поддержание. Образ жизни современных китайцев сформировался под влиянием природно-климатических, социально-экономических, этнических, нравственных, духовно-интеллектуальных факторов. И, с одной стороны, он сохранил многие старые черты, а с другой — приобрел новые качества, вызванные политическими и экономическими условиями, местом жительства, родом деятельности, национальными особенностями. В Китае 56 народностей, каждая из которых имеет свои характерные черты, проявляющиеся в еде, одежде, жилище, народных верованиях и обычаях. Жители Китая говорят на 235 языках и диалектах и часто, чтобы понять друг друга, вынуждены обращаться к письменности [КНР: политика... К 65-летию, с. 379].

Автор статьи очень красочно описывает особенности китайского календаря. Так, Китай, как и много лет назад, живет по лунно-солнечному календарю. Юбилейный для страны 2014 г. — это 4712 год от начала летоисчисления, связанного с именем императора Хуанди.

В современном обществе, разумеется, влияние традиций и старых обычаев значительно уменьшилось, однако не исчезло вовсе. По мнению А.Л. Верченко, хотя отдельные традиции имеют примесь предрассудков, во многих можно найти рациональное зерно. Прагматики китайцы стремятся найти что-то хорошее в каждом годе. Дракон — самый почитаемый знак китайского календаря, олицетворяющий удачу и благополучие, часто трактуется как предвестник успеха в бизнесе и карьере. В год Дракона в Китае рождаемость увеличивается (в 2012 г. на 5 %) [КНР: политика... К 65-летию, с. 381].

Автор касается магии цифр, имеющей традиционное значение для многих китайцев, вопросов демографической политики и затрагивает тему китайской чайной церемонии. Сегодня многие старые традиции переживают в Китае новую жизнь.

По оценке автора, сразу после образования КНР влияние старого общества оставалось сильным и новая идеология боролась с тем, что трактовалось как «предрассудки». «Однако привязанность населения к традициям не смогли искоренить ни разные кампании, ни радикальная “культурная революция”, ни ворвавшиеся в жизнь общества вместе с реформами западные веяния. Последние уже пережили пик популярности» [КНР: политика... К 65-летию, с. 386].

В статье отмечается, что сегодня официальные власти проявляют растущее внимание к национальной культуре и поддерживают приобщение народа к традиционным ценностям с самого детства. Например, младшие школьники 1 сентября приходят в храмы Конфуция, которые считаются «первой школой в Поднебесной», знакомятся с жизнью и изречениями этого мудреца. Правительство на центральном и местном уровнях поддерживает проведение фестивалей, выставок и массовых мероприятий, приуроченных к традиционным праздникам и отражающих национальную самобытность китайской культуры, предоставляя возможность шире раскрыть содержание исторических традиций [КНР: политика... К 65-летию, с. 386].

Далее, исследователь рассказывает о китайских праздниках, среди которых самый большой и самый любимый — Чуньцзе, традиционный новогодний фестиваль, или Праздник весны, пронизанный совершенно особой атмосферой. Автор повествует о сложившихся и изменяющихся традициях подарков и поздравлений в эти праздничные дни. Также отмечаются особенности Праздника середины осени с традицией проведения особых ярмарок и фестивалей в связи с этим [КНР: политика... К 65-летию, с. 387—389].

Дополнительно в статье освещается очень значимая для китайцев тема отношения к предкам и культура захоронения, а также особенности и проблемы, связанные с этой традицией.

В конце статьи делается вывод: история существования КНР показывает тот факт, что население Китая сохраняет свою приверженность множеству обычаев и национальной специфике, и это нисколько не мешает процессу модернизации, успех которой не в последнюю очередь зависит от степени соответствия ее принципов традиционной системе ценностей. А сложившиеся многовековые традиции Китая «способствовали формированию нации ответственных, трудолюбивых, целеустремленных, преданных своему делу патриотов, работающих на благо своей страны» [КНР: политика... К 65-летию, с. 394].

* * *

Как показывают исследования российских китаеведов, опубликованные в информационно-аналитической серии «КНР: политика, экономика, культура», все достижения Китая в разных сферах деятельности имеют

самую тесную связь с историей прошлого, без преувеличения констатируя, что создание объективной картины его сегодняшнего дня предполагает, в конечном счете, глубокое знание культуры, науки, образования, традиций, языка и обычаев народа. Научные изыскания ведущих российских китаеведов, заполняя имеющиеся лакуны своими трудами в области культурной жизни Китая, свидетельствуют о глубокой внутренней связи истории и современности, о влиянии аспектов культуры на формирование его исторического пути.

Отчетливо прослеживается, что эффективность имиджевой политики государства и популярность китайской традиционной культуры за рубежом демонстрируют мощный потенциал нематериального влияния — «мягкой силы», которым обладает современный Китай. При этом стоит подчеркнуть, что культура заметно обогащает внешнеполитические установки, корректирует их и делает более универсальными, направленными на рост благосостояния и устойчивого развития как самой КНР, так и мирового сообщества.

В ряде исследований отмечается, что продвижение и распространение знаний и ценностей культуры Китая по всему миру, имеющих фантастическое влияние на общественное сознание людей, формирует положительный имидж страны, расширяя представления о китайской цивилизации, «великом возрождении нации», «китайской мечте».

По нашему мнению, концепция «мягкой силы» быстро приобрела популярность и вошла во внешнеполитический лексикон, заняв свое место не только в политической практике ведущих государств, но и практически во всех современных теориях международных отношений. Главный смысл «мягкой силы», о которой упоминалось в ряде публикаций авторов продолжающегося издания, заключается в формировании положительного имиджа государства, осуществляющего продвижение своих идеалов и ценностей на международном уровне. Так, по классической теории Дж. Найа, воздействие «мягкой силы» может осуществляться с помощью трех основных компонентов: культуры, идеологии и внешней политики².

Для продвижения политических стратегий Китаю необходимо использовать «мягкую силу», которая заложена в культуре в целом и выражается в ее отдельных проявлениях и формах: в науке, образовании, кинематографии, телевидении, литературе, религии, языке, традициях и в

² Най Дж. Мягкая сила Китая в китайской мечте. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/dzhozef-naj-myagkaya-sila-kitaya-v-kitajskoj-mechte-498...>; Мягкая и острая сила Китая by Joseph S. Nye — Project Syndicate. 2018. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-soft-and-sharp-power-by-joseph-s--nye-2018-01/rus...> Достичь этого, согласно теории Дж. Найа, возможно, используя «власть информации и образов», а одним из важнейших ресурсов усиления влияния государства в глобальном информационном пространстве являются массмедиа.

любой другой гуманитарной науке, влияющей на имидж страны и ее возвышение на международной арене. Отдельные особенности общего направления мы видим, например, в философии, языковой политике, образовании, в традициях, в китайской специфике управления страной, указывающих, что теория «мягкой силы» обретает особую популярность в Китае — на основе ее гармоничного сочетания с мировоззренческими установками китайской нации.

Следует отметить, что в нашей статье охвачен не весь материал по культуре за рассматриваемый период. Не затронуты, например, авторские исследования о религии, театральной и литературной жизни, кинематографии, которые мы оставляем для другого обзора.

В завершение можно сделать вывод: изучение материалов продолжающегося издания показывает, что авторам, как правило профессионалам своего дела, удалось представить за указанный период достоверную картину развития Китая в области философии, образования, управления, ситуации в языковой политике, роли традиций в современном его обществе, что в целом может служить информационной и научной основой для углубленных исследований в этих областях. Сочетание масштабной конкретной информации с глубоким ее анализом применительно к каждому году или важному периоду существования КНР придает материалам издания, посвященным указанным темам, уникальный характер.

Достижения Китая в области философии, образования, языковой политики и др. даются авторами на фоне исторических событий, происходящих в КНР и мире, демонстрируют взаимосвязь современного Китая с его историческим прошлым, с событиями внутренней и внешней политики, с идеологией компартии и формированием в стране законодательной сферы. В силу подобного подхода усиливается достоверность и объективность представленных авторами издания характеристик.

В настоящее время в новых условиях растущего взаимопонимания между РФ и КНР перед учеными, особенно перед молодыми исследователями, стоит задача более глубокого изучения китайской культуры во всем ее многообразии и, соответственно, более тесного сближения наших стран на основе знаний о культуре Китая, ее историческом развитии. В этой связи подчеркнем также возросшую необходимость ознакомления с духовным историческим и культурным наследием российской школы китаеведения, имеющей заслуги и признание в мировой историографии. В числе замыслов продолжающейся серии «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура» растет активное стремление к расширению круга квалифицированных авторов, занимающихся изучением истории и современной политики ближнего партнера и соседа России — КНР.

Библиографический список

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 60-летию КНР. М.: ИД «ФОРУМ», 2009. 592 с.

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2010—2011. М.: ИД «ФОРУМ», 2011. 448 с.

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2012—2013. М.: ИД «ФОРУМ», 2013. 592 с.

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. М.: ИД «ФОРУМ», М., 2014. 480 с.

References

Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. K 60-letiyu KNR [People's Republic of China: politics, economy, culture. To the 60th anniversary of the People's Republic of China]. Moscow: ID «FORUM», 2009. 592 p. (In Russian).

Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. 2010—2011 [People's Republic of China: politics, economy, culture. 2010—2011]. Moscow: ID «FORUM», 2011. 448 p. (In Russian).

Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. 2012—2013 [People's Republic of China: politics, economy, culture. 2012—2013]. Moscow: ID «FORUM», 2013. 592 p. (In Russian).

Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. K 65-letiyu KNR [People's Republic of China: politics, economy, culture. To the 65th anniversary of the People's Republic of China]. Moscow: ID «FORUM», M., 2014. 480 p. (In Russian).